

**«Эпикурейское вероисповедание строптивного Гейнца» Ф. Шеллинга.
Опыт поэтического перевода**

Автор представляет поэтический перевод сатирической поэмы Ф. В. Й. Шеллинга, написанной в 1799 г. В отличие от других поэтических произведений философа, она имеет теоретическое наполнение, – в сжатой и общедоступной форме излагает метафизическую натурфилософскую концепцию постепенного самоосознавания Абсолютного в природе и человеке.

The author presents his own poetic translation of F. W. J. Schelling's satirical poem written in 1799. Unlike Schelling's other poetic works, this poem has a theoretical content, in concise and popular form presenting the metaphysics of Schelling's natural philosophy in which the Absolute is gradually realizing itself in the nature and the man.

Ключевые слова: Шеллинг, поэма, строптивный Гейнец, натурфилософия, природа, дух, самоосознание, безбожие.

Key words: Schelling, poem, Heinz Widerporst, natural philosophy, nature, spirit, self-realizing, atheism.

Комментарий переводчика

Ф. Шеллинг (1775–1854) известен миру прежде всего как философ, однако при этом он был ещё и романтическим поэтом. Грань между философией и поэзией всегда проводить достаточно трудно, относительно же немецкого идеализма сделать это практически невозможно. Гёте, помимо художественных произведений, создал оригинальное натурфилософское учение о цвете. Поэты Гёльдерлин и Новалис создавали философские очерки и фрагменты, философы Фихте и Шеллинг писали стихи.

Предлагаемая читателю поэма Ф. Шеллинга «Эпикурейское исповедание веры строптивного Гейнца» интересна тем, что философ в поэтической форме излагает в ней свою натурфилософскую концепцию последних лет XVIII в. Эта натурфилософия (она же философская теология) ещё не претендует на познание божественной реальности, но, тем не менее, высказывает ключевую идею не только Шеллинга, но и других послекантовских идеалистов, – идею о божественном самоосознании и самопознании через развивающийся мир.

Философской общественности эта идея известна прежде всего как «гегелевская», однако уже у Шеллинга она присутствует во всей полноте.

Имя главного героя произведено от слова *widerporstig*, которое переводится как *ершистый* или *строптивый*. Шеллинг говорит о его «эпикурейском» вероисповедании, естественно не являющемся эпикурейским в историко-философском смысле слова. С одной стороны, Гейнц фрондирует своей склонностью к увеселениям и наслаждениям, с другой стороны, – излагает шеллинговское учение об Абсолютном, уже теоретически сформулированное в «Исследованиях в пояснение идеализма наукоучения» (1796/97). Первоначально бессознательный абсолютный Дух осуществляет процесс самоосознания себя в своём ином – в достойной восхищения и преклонения природе – и окончательно возвращается к себе в человеке и его рефлексии. Это полноценная философская теология, и нас не должны смущать атеистические и материалистические заявления строптивного Гейнца. Они призваны оттенить шеллинговский взгляд и противопоставить его воззрениям Новалиса и Шлейермахера.

Создание поэмы относится к концу 1799 г., ознаменовавшегося выходом двух важных произведений немецкого романтизма. Речь идёт о новалисовской статье «Христианство, или Европа» и программной шлейермахеровской работе «Речи о религии к образованным людям, её презирающим». В поэме Шеллинг отрицает и высмеивает их взгляды.

«Эпикурейское вероисповедание...» отсылает нас к «Поэтическому призванию Ганса Сакса» И. В. Гёте (1776) и к поэме «Строптивый Гейнц» самого Ганса Сакса (1534). Саксовский Гейнц, – «дикий лопарь», мизантроп, брюзга и антисоциальный тип, отрицающий как социальную иерархию, так и принятые ценности. Отсылает к наследию Сакса и четырёхударный стихотворный размер, ранненововременной по происхождению, которым Шеллинг написал свою поэму.

Друг и сподвижник философа Фр. Шлегель планировал, не указывая имени автора, опубликовать «Эпикурейское вероисповедание строптивного Гейнца» в романтическом альманахе «Атенеум», однако этого не случилось, в том числе по настоянию Гёте, опасавшегося за университетскую карьеру Шеллинга. Часть поэмы, – собственно, натурфилософское учение о самопознании Духа, – была опубликована в 1800 г. в первом томе шеллинговского «Журнала спекулятивной физики». Первая полная публикация поэмы состоялась уже после смерти мыслителя, осуществил её биограф Г. Плитт (Plitt G.L. Aus

Schellings Leben. In Briefen. Bd.1. 1775–1803. Leipzig: S.Hirzel, 1869, S. 282–289). На этот текст мы и опирались при переводе¹.

На русский язык поэма уже однажды переводилась В. В. Вебером (Шеллинг Ф. В. Й. Эпикурейские воззрения Гейнца Упрямца // Поэзия немецких романтиков / сост., предисл. и коммент. А.В. Михайлова. М.: Худ. лит-ра, 1985. С. 100–107). Тот же перевод дан в издании: Бонавентура. Ночные бдения. М.: Наука, 1990. С. 174–185).

ЭПИКУРЕЙСКОЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ СТРОПТИВОГО ГЕЙНЦА

Мне, видно, это уж невмочь,
 Себя я должен превозмочь,
 Бороться, напрягая чувства,
 Против коварного искусства
 Насильственного обращенья
 В религиозное ученье.
 Хочу я снова быть собой,
 А тот, кто мыслит головой,
 Понять не может наваждений
 Религиозных рассуждений.
 Об этом думать не хочу,
 Разгневан, рву я и мечу.
 Так пусть же тот высокий дух
 Мне не затмит ни взор, ни слух.
 Но расскажу я вам, о диво,
 О том, что верно и правдиво,
 О том, что можно осязать,
 О чём нам без поста сказать
 Возможно, как и без мученья
 Насильственного отреченья.
 Услышав дерзкие реченья,
 Я впал в тревогу и смущенье,
 Прочёл я и «Фрагмент»², и «Речи»³,
 Но их понять не стало легче.
 Безбожной жизнью, грешным делом
 Душа увлечься захотела,
 Над злом упившись торжеством
 Явиться миру божеством.

¹ Оригинальный текст поэмы: URL: <http://www.edition-lgc.de/sonst/texte/schellin.htm>

² Имеется в виду статья Новалиса, готовившаяся к печати под названием «Христианство, или Европа. Фрагмент».

³ Имеются в виду «Речи о религии...» Ф. Шлейермахера.

Когда я оказался пленным
У созерцания Вселенной,
Напомнил мне мой острый ум:
В плену я у неверных дум.
Вернуться надо бы к безделью,
Запеть беспечной свиристелью,
Не лень мне это, – я смекнул,
Ведь я не стар, как царь Саул.
А чтоб прогнать тоску сперва, –
Иначе мучит голова, –
Мне нужно мясо и вино,
Здоровья придаёт оно.
...И впрямь, как только подкрепился,
К себе – былому – возвратился,
На мир глянувши взором ясным,
Вновь к дамам захотел прекрасным.
В большом веселии, – не вру, –
Я руку протянул к перу,
Подумав: не расстанусь с верой,
Что стала стержем мне и мерой,
Что душу с телом единит,
И с миром в мире жить велит.
Пустые речи о предмете, –
О внутреннем духовном свете, –
Меня не могут убедить
Сей свет к понятию сводить.
Не бродит в сих речах вино,
Что душу горячить должно,
Фантазии пустые это,
В них болтовня и смерть поэта
Ведь только то, что в сердце есть
Другим мы можем преподнести.
Итак: от сердца говорю
То, чем живу и чем горю.
В часы веселья и печали
Мне убежденья обещали
Настрой благой с обильем сил,
Поскольку я уже решил:
Материя – вещей отец,
Единый истинный творец
Основа всякого сознания,
Начало и конец познания.
Невидимое отвергаю,

Лишь очевидность постигаю
Лишь запах, вкус и ощущение
Достойны будут изученья.
Любовного алкая плена,
Я верю в нежное колено,
Я верю в аромат цветов
И наслаждаться им готов.
А если б был религиозным¹,
(Хоть это выглядит курьёзно),
Католиком я стал бы враз,
Средневековым без прикрас.
Тогда ведь люди в мире жили,
Не враждовали, а дружили.
Искали счастья, где осели,
На небо все не глазели,
Пред Богом смиренно обитали
И центром бытия считали
Земную твердь: необорим,
Возвышен был над миром Рим.
В котором Папа восседал,
Что высшей властью обладал.
И будто бы в стране волшебной,
Мирянин в дружбе жил душевной
С кюре; священство процветало,
А что ни день, приобретала
Девушка мужа-старика,
Чтоб дом его вести пока.
Подчас всё это мне смешно,
Но пользу отрицать грешно
Теперь же изменилось время,
Несёт стыда дурное бремя.
Излишний разум нам вредит,
Доверья падает кредит.
Моральностью теперь гордятся,
Познанием её кичатся,
Куда сегодня ни пойдёшь,
Моралью бредит молодёжь.
Забыл католик век златой,
Утратил пламень свой святой...
Итак: религия, прощай,
Не твой я, как ни обольщай!
Мне проповедь неинтересна,

---

¹ Последующие пять строф представляют собой насмешливый пересказ идей Новалиса.

А вера лишь одна известна –
Та, что даёт мне вдохновенье
Творить сие стихотворенье.
То – вера в вечное свершенье,
В вещей чудное превращенье,
В бессмертный стих и в мира тайну,
Что сердцу светит беспечально.
В другое верить не могу,
И веру эту сберегу.
В ней, – знаю, – истина и свет,
Ни лжи, ни фальши в вере нет,
И в образе она являет,
Что сущность мира составляет.
Из этих образов природных
Выводим скрытое свободно,
Но нам познать не суждено
То, что природой не дано.
Религия стремится к свету
В живых и неживых предметах,
В камнях, цветах, металлах, мхах,
В иероглифических стихах.
Хочу склониться пред крестом,
Что на горе стоит притом,
Где возведён был храм природе
В примерной христианской моде,
Где башни в высоте зенита,
Где держат колокол магниты,
Где в алтарях и в тени залов
Висят распятия из кристаллов
И золотою бахромой
Сверкает утварь, – боже мой, –
На ризах каменных монахов,
Не знавших горечи и страхов.
Но точно выяснил поэт:
Такой горы пока что нет.
Я не похож на дурака,
Без Бога буду жить, пока
Меня не смогут обратить,
Во мне безбожье укротить,
Что, верно, маловероятно,
Ведь мне и без того приятно,
И даже б если вечно жил,
(Что выше человеческих сил),

Я б верил в вечность мироздания,
Несокрушимость воссоздания,
А если мировой пожар
Земной наш уничтожит шар,
Где будут грешников лупить,
Солить, палить и печь топить?
Покинул страх мой тихий кров,
Душой и телом я здоров.
Не притворяясь, не кривляясь,
И в космосе не растворяясь,
Возлюбленную я схвачу,
И в небо с нею возлечу.
Зачем бояться бытия?
Его устройство знаю я.
Природа – тихий, кроткий зверь,
Не угрожает он, поверь, –
Законом вечным покорённый,
К ногам ложится, усмирённый,
Но в нём живёт великий Дух
Ещё без чувства, дремлет слух,
Не может разломать темницу,
Чтоб вольно простереть десницу.
Крылом своим Дух бьёт и машет,
В вещи круговороте пляшет,
Движенье яростно клубя,
Стремится осознать себя.
Движенье это – образ вещи,
В нём с силою металлы плещут.
Оно – в цветении древес
И в лике голубых небес
Весь необъятный этот свет
Есть самопостиженья свет.
Не страшно Духу затрудненье
При прогрессивном продвиженьи.
Ища наощупь образ верный,
Он конструирует примерный:
Соизмеряет тело с миром
И в поисках ориентира
В непрерываемом бореньи
Приобретает измеренье.
Свершается самосознание
Лишь в карликовом том создании,
Чей образ тонок и красив, –
Се человек. Себя спросив

О собственной своей природе,
Дух в человеческой породе
Обрёл спасенье от дремоты,
Но с ним прибавилось заботы:
Себя узнать не может Дух,
Хоть зрение напряг и слух.
В природе хочет раствориться,
В реальность снова углубиться,
Но коль к себе потерял путь,
Спокойствие нельзя вернуть.
Сникает огорчённый Дух,
Он одинок, задор потух.
Лишь страх несут ему виденья,
Он в ожиданьи пробужденья
В огне слепого возбужденья
Свои глотает порожденья.
Не сознаёт, что ест себя,
Забвеньем жизнь свою губя.
Но может Дух себе сказать:
Должны виденья исчезать!
Я – Бог, они же – лишь творенье,
Я – Дух, движенье и горенье
От тёмных и неясных токов
До истеченья бурных соков,
Во мне – материи бурленье,
Бутона сочного плетенье,
Я – света луч в кромешной тьме,
Творенье в вечной кутерьме.
Я – пламень тысячи очей,
Что ночь теснит снопом лучей.
А там, где мысль воспарила
И вновь природу сотворила,
Одна есть жизненная сила,
Что в мир развитие привносила,
Один лишь пульс у мирозданья
Без спешки и без опозданья.
Большую вызывает злость
Надменный чужестранный гость,
И там, и тут мутящий воду
И оскорбляющий природу, –
Один из мнимой высшей расы,
Из мнимоизбранного класса,
Который мир весь без зазренья
Клеймит позором и презреньем.

Сей класс материю поносит,
У образов спасенья просит,
Религию по-дамски чтит,
На Бога сквозь вуаль¹ глядит,
Чтоб страстно не воспламениться.
Плетёт дурные небылицы,
Высокомерьем ослеплённый,
Считает оплодотворённым
Себя грядущим мессианством.
Сей класс с завидным постоянством
Желает на коне облезлом
Народ пасти железным жезлом.
Когда ж кончается ехидство,
Притворный тон и иезуитство,
Когда их овевает Дух,
Входя в их зрение и слух,
Когда по ока мановенью
Их осеняет вдохновенье,
Им не дано его сберечь,
Всё не о том ведётся речь,
И вместо чудного спасенья
Мы видим мыслесотрясенье,
А вместо поучений кротких
Мы чувствуем в носу щекотки,
Бесплодые речи нам претит,
Духовный портит аппетит.
Тому, кто вник в такое тленье,
Рекомендую исцеленье:
В подушках мягких утони,
«Люцинду»² деве объясни.
Святошам мнимым и кисляям
Ответственно я заявляю,
Что их небесные мечтанья
Я сокрушу трудом и знаньем.
Адепт материи и света,
И слов немецкого поэта,
Я силу черпаю из взгляда
Любимой, что со мною рядом,
Из ласк её и вдохновенья,
Прекрасных губ прикосновенья.
Проникнут музыкой блаженной,

¹ В оригинале употреблено слово Schleier, – намёк на Ф. Шлейермахера.

² Роман Фр. Шлегеля «Люцинда» (1799).

Согретый теплотой душевной,
Я только к истине стремлюсь,
Над пустословьем же глумлюсь.
Ясны и чётки мои мысли,
Уверен я в их точном смысле.
Они свободны и сильны,
И в плоть и кровь облечены.
Друзьям мой пламенный привет.
Прошу послушать мой завет:
Пусть русские¹ и иезуиты
К чертям идут и будут биты!
Сие исповеданье веры
Я спел в обители Венеры,
Так пусть подобное мне племя
Приумножает это семя!

---

¹ Намёк на Августа фон Коцебу, – драматурга, многие годы жившего и служившего в России. Бурлеск Коцебу «Вавилонская башня» высмеивает йенское и веймарское литературное общество.